

УДК 81'42
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.07

Код ВАК 10.01.10

О. А. Солопова

Челябинск, Россия

БУДУЩЕЕ РОССИИ В ЭКСПОРТНОМ ИСПОЛНЕНИИ

АННОТАЦИЯ. На материале текстов британско-американских СМИ анализируется гипотетический образ будущей России. Выделяются основные показатели, интересующие авторов, характеризуется степень детализации модели будущего.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *метамодель будущего; социология; тезаурус; показатель; политический прогноз; СМИ; когнитивно-дискурсивное прогнозирование.*

O.A. Solopova

Chelyabinsk, Russia

FUTURE OF RUSSIA IN EXPORT PRESENTATION

ABSTRACT. On the basis of the texts of British and American Mass Media hypothetical image of Russia in future is analyzed. Significant elements, that the authors are interested in, are singled out, these elements characterize the degree of detailing of the model of future.

KEY WORDS: *metamodel of future; sociology; thesaurus; element; political forecast; Mass Media; cognitive-discursive forecasting.*

Решение проблемы воздействия на будущее, стремление найти и понять движущие силы грядущего, научиться ими разумно распоряжаться и предвидеть результаты предпринимаемых действий — неперенная составляющая политического дискурса. Политические тексты в частности и средства массовой коммуникации в целом действуют в сознании человека как первопричина, наделяющая действительность своими свойствами.

В фокусе внимания настоящей статьи — образ будущего России сквозь призму модели статической матрицы в рамках

когнитивно-дискурсивного прогнозирования. Материал исследования был получен путем сплошной и репрезентативной выборки из политических текстов СМИ Великобритании и США и составил более 2400 контекстов. Источниковая база представлена англоязычной прессой за период с января 2000 г. по май 2011 г. включительно. В ходе работы были использованы как печатные, так и электронные публикации следующих изданий: «London Evening Standard», «The Global Politician», «The New York Sun», «Foreign Affairs», «Harvard international review», «The Sun», «The Independent», «The American», «The American Conservative», «The Wall Street Journal», «The Washington Post», «The Time», «The American Spectator», «The Guardian», «The Heritage Foundation», «The National Review», «The Times» и др. Данная статья посвящена одному базовому параметру модели — «Внутренняя политика».

В качестве метамодели исследования предлагается матрица — «методология прогнозирования и ретроспективных моделей» [Мэтьюз 2003: 65], которая охватывает динамику различных параметров социально-политической системы. Сообразно цели и задачам исследования, а также в соответствии с данными, полученными в ходе анализа корпуса текстов, содержащих поисковый прогноз, остановимся на отраженных в рисунке показателях метамодели (рис. 1).

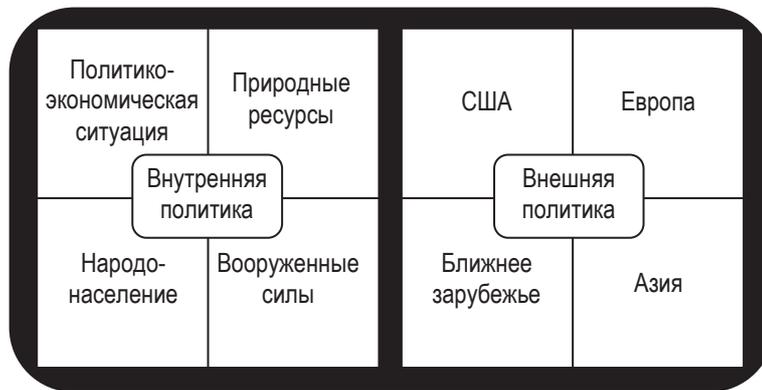

Рис. 1
Когнитивно-дискурсивная метамодель будущего

Поскольку когнитивно-дискурсивное прогнозирование исследует образ будущего в преломлении *политического текста* СМИ, основными параметрами, от которых зависит грядущий день политического мира, выступают *внутренняя* и *внешняя политика*. Базовые параметры *внутренняя* и *внешняя политика* в свою очередь могут быть разбиты на подмножества (факторы, наиболее активно востребованные в текстах СМИ при обращении к образу будущего).

Параметр «внутренняя политика» включает в себя следующие подпараметры:

- политико-экономическую ситуацию — индикатум, объединяющий в себе экономический и внутривнутриполитический аспекты;
- народонаселение — индикатум, включающий демографический, территориальный и социально-культурный факторы;
- природные ресурсы, а именно топливно-энергетическую и материально-сырьевую составляющие научно-технического аспекта;
- вооруженные силы — подпараметр, выделенный на основании регулярного обращения к нему авторов поисковых прогнозов при создании вероятного будущего России.

Параметр «внешняя политика» также разбит на несколько частных подмножеств:

- отношения с США;
- отношения со странами Европы;
- отношения со странами ближнего зарубежья;
- отношения со странами Азии [Солопова 2011: 174].

Для детальной интерпретации когнитивно-дискурсивной модели будущего, сконструированной на основе материала выбранного для анализа хронологического среза, составим предмодельный сценарий, предназначенный для содержательного исследования и описания прогнозируемых процессов. Сценарий как инструмент познания является актуальным и востребованным в прогностике и когнитивной лингвистике. В прогностике к сценарному методу прибегают в том случае, когда «прогноз невозможно или нецелесообразно выполнять статистическими методами или с использованием специаль-

ных экономико-математических моделей» [МРЭП 2007: 153]. В когнитивной лингвистике под сценариями понимаются структуры сознания, описывающие стереотипные сцены событий — «концептуальные структуры для процедурного представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении» [Баранов 2001: 18]. Кроме того, сценарное представление будущих событий — характерная черта аналитических статей, являющихся материалом настоящего исследования. Сценарий содержит общие предварительные соображения о возможном состоянии объекта исследования в будущем с учетом данных прогнозного фона, в нашем случае — отобранных базовых параметров. Поскольку будущее всегда разнопланово, каждая частная модель «будущего России», представляющая собой сферу-мишень, не является однополюсной: вариантов развития событий — сценарных фреймов — может быть несколько. Вышеуказанные параметры модели выступают слотами сценарных фреймов.

Описание частной когнитивно-дискурсивной модели будущего, созданной для определенного хронологического среза в рамках той или иной лингвокультуры, включает следующие моменты:

- статистическая обработка образных и иных стилистических средств, нацеленных на создание модели грядущего, зафиксированных в политических текстах указанного хронологического среза, их систематизация;
- установление соотношения параметров «внутренняя» и «внешняя политика»; выделение самых частотных подмножеств в рамках указанных параметров — факторов, наиболее востребованных в политических текстах при апелляции к образу будущего;
- установление доминантных концептов, образных и иных стилистических средств, задействованных в конструировании модели грядущего;
- дискурсивная характеристика модели по следующим параметрам: концептуальные векторы, ведущие эмотивные характеристики, их взаимосвязь с существующей политической ситуацией, конкретными политическими событиями, политическими взглядами, интенциями субъектов коммуникации и

др.;

- характеристика прагматического потенциала когнитивно-дискурсивной модели — способности продуцировать образы «темного» и «светлого» будущего.

Примечательно, что при моделировании будущего России в политических текстах британо-американских СМИ последнего десятилетия более востребованными являются параметры «внутренней политики», чем «внешней политики» (53,5 и 46,5 % соответственно).

Внутренняя и внешняя политика решают одну задачу — сохранение и упрочение существующей в государстве системы общественных отношений в будущем. Об этом свидетельствует незначительность доминирования (7 %) параметров «внутренней политики» над «внешней». Тем не менее полученные данные подтверждают, что внешняя политика, по мнению СМИ, является отображением и продолжением внутренних общественных отношений, т. е. внешнеполитический курс любого государства определяется главным образом характером его внутренней политики.

При создании модели вероятного будущего России параметр «Внутренняя политика» насчитывает 1302 единицы, что составляет 53,5 % от общего корпуса проанализированных текстов (рис. 2).

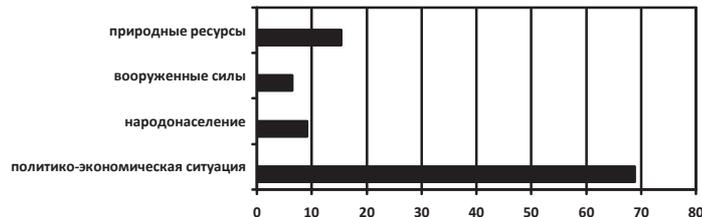

Рис. 2 Соотношение параметров внутренней политики

Среди подмножеств, составляющих указанный параметр, наиболее востребованным является «Политико-экономическая ситуация» (68,9 %). Наряду с данным подмножеством, на передний план в качестве главных факторов,

влияющих на формирование модели будущего страны, выдвигаются природные ресурсы (15,4%), демографический фактор (9,2%), военная мощь (6,5%)

Рассмотрим подпараметр «**Политико-экономическая ситуация**» (898 контекстов). Согласно СМИ, демократическая трансформация не доведена до конца; политическая инфраструктура и политическая культура очень слабы; политическая элита и бюрократия на всех уровнях контролирует политические процессы; коррупция и организованная преступность остаются существенными факторами в будущем России: *None of these changes affect the real challenges facing Russia that are crime, ideological disorientation, and demographic collapse. These problems are symptoms of a deep spiritual malaise* / Ни одно изменение не затрагивает реальных проблем, стоящих перед Россией — преступности, идеологической дезориентации и демографического кризиса. Эти проблемы — симптомы глубокого духовного недуга (The National Review. 30.04.02).

Для моделирования параметра «Политико-экономическая ситуация» в России будущего типичны следующие черты.

- Темпоральный схематизм. По мнению журналистов британско-американских СМИ, причину «духовного недуга» нашей страны следует искать в ее прошлом. СМИ прогнозируют очередной виток возврата России назад: *The current Moscow power establishment is leading Russia back in time* / **Нынешняя московская власть возвращает страну назад во времени** (The Heritage Foundation. 14.01.2009). *But the country is still backward* / **Но страна все еще движется в обратном направлении** (The American Conservative. 16.06.2008). *The old Soviet Union, however, is long gone and Russia, despite its recent oil-and-gas driven revival, represents the past* / **Старого Советского Союза давно нет, а Россия, несмотря на недавнее нефтегазовое воскрешение, представляет собой прошлое** (The American Spectator. 12.14.06). Темпоральный схематизм в рамках моделирования рассматриваемого параметра обусловлен компрессией прошлого; ретроспективный взгляд, как правило, обращен к советской эпохе или монархии: *What Europe and the United*

States now face is a revanchist Russian Federation, dysfunctional but flush with petro-dollars, that currently exhibits a volatile admixture of neo-czarist imperial ambition and Soviet-era rhetoric and tactics / Сейчас перед Европой и США — реваншистская Российская Федерация с качественной дисфункцией системы, наводненная нефтьедолларами, которая в настоящий момент является собой **неуловимую смесь неоцарской имперской амбиции с риторикой и тактикой советской эпохи** (The American Spectator. 15.06.2007).

Наследие советского прошлого неумолимо преследует Россию на страницах американско-британской прессы: *Future Soviet Union* (The New York Sun. 13.08.2008); *A Socialist Totalitarian Monster* (The American Spectator. 25.11.2009); *The Evil Empire* (The American Conservative. 16.06.2008). В рамках метафоры пути Россия, как всегда, оказывается на перепутье: ***Russia is now at a crossroads: Either the Soviet Union will be restored or modernization will be re-attempted, but on a completely different basis. It will not be possible to restore the U.S.S.R. gently and gradually*** / **Россия теперь на перекрестке: либо Советский Союз будет восстановлен, либо будет повторно предпринята попытка модернизации, на совершенно другой основе. Восстановить СССР постепенно и в умеренном темпе будет невозможно** (The Times. 28.12.2004).

Монархическая метафора актуализируется при создании образов российских политических лидеров: *Russian Tsar* (The American Spectator. 29.08.2008); «*Vladimir the Lucky*» (The Heritage Foundation. 15.09.2006); *No Peter the Great* (National Review. 20.09.2004); *Rat King in The Nutcracker* (The Time. 30.12.2004); *The Gas Czar* (The American Spectator. 17.03.2008); *The New Tsar, same as the Old Tsar* (The American Spectator. 10.02.2010). Как видно, образ монарха многогранен, варьируется от русского императора до Мышиного короля из сказки Э. Гофмана и даже голого короля из произведений Г.-Х. Андерсена и Е. Шварца: *Putin is leading Russia into a dead end. If Europe sees through his bluster, he will be revealed as a bully and a would-be emperor who is more naked than he realizes* / Путин ведет Россию в тупик. Если Европа взгля-

нет сквозь его позерство, она увидит задиру и несостоявшегося императора. И этот король гораздо более гол, чем он думает (NY Times. 05.09.2008).

Следует отметить, что персонализированным символом новой, будущей России до сих пор остается В. Путин: *So keep your eye on little "Putkin" for the next several years — whether in or out of office. He's chairman of the board and CEO for life, and he'll be around running Russia, Inc. for a very long while* / Так приглядывайте за маленьким „Путкиным“ в течение следующих нескольких лет, независимо от того, сложит он с себя полномочия или останется у власти. Он — **председатель правления и генеральный директор Russia, Inc. по жизни, и он будет управлять этой корпорацией очень долгое время** (The American Spectator. 30.08.2007).

- Использование метафорических моделей с отрицательным концептуальным вектором. Наиболее востребованной является морбиальная метафорика, диагностирующая рецидив одного из многочисленных заболеваний страны, и как следствие, смерть пациента: *The erosion of a nation can easily proceed hand-in-hand with the cancerous bloat of its government: just look at the suffocation of Russia under the dead hand of the Soviet state* / **Эрозия нации может легко возобновиться вместе со злокачественной опухолью ее правительства: взгляните, как извивается задыхающаяся Россия в безжизненных руках советского государства** (The American Conservative. 02.06.2003). *With growing poverty, unemployment and inflation in their future, Russia's regions had little reason to stay with the dying empire* / В будущем растущая бедность, безработица и инфляция в регионах России были не слишком весомым поводом для того, чтобы остаться вместе с **умирающей империей** (The National Review. 20.04.2007).

Не менее актуальны зооморфные метафорические наименования с отрицательной коннотацией: *So it seems likely that the Russian bear will continue awakening, snarling, and growling in Western papers for the foreseeable future. If the Kremlin really wants to improve its image abroad, perhaps a better strategy would be to change its politics* / Вероятно, в **обозримом будущем в западных газетах русский медведь**

продолжит пробуждаться, реветь и рычать. Если Кремль действительно захочет улучшить свой имидж за рубежом, лучшая стратегия, наверное, состоит в изменении своей политики (The American. 19.03.2007).

- Востребованность исторических концептуальных метафор — эксплицитного или имплицитного сравнения прошлого и будущего, базирующегося на прецедентных именах и ситуациях. Исторические метафоры не только «придают нужную форму событию настоящего и прошлого» [Paris 2002: 426], но также влияют на формирование и формулировку долгосрочных целей общества, т. е. на будущее страны.

В британо-американских СМИ рассматриваемого хронологического среза будущее России видится сквозь призму холодной войны, часто ассоциируется с фашистской Германией: *If one extrapolates Russia's development during the last eight years into the future, we will not only witness a **second Cold War**. The Russian Federation might become **something like a new apartheid state**. Some observers do, in this connection, not hesitate to speak of a "**Weimar Russia**" comparing post-Soviet conditions to those in **inter-war Germany** / Если экстраполировать развитие России в течение последних восьми лет в будущее, мы не только станем очевидцами второй **холодной войны**. РФ может стать похожей на **новое „апартеидное“ государство**. В связи с этим некоторые журналисты без колебания говорят о „**Веймарской России**“, сравнивая постсоветские условия с **Германией, с периодом между двумя мировыми войнами** (Global Politician. 06.03.2008). *They (Russians) are too immersed in the weaving of their narrative that foretells the transformation of **Weimar Russia** into a nuclear-armed ideological competitor with the West / Они (русские) слишком увлечены хитросплетением собственного повествования, которое предсказывает преобразование **Веймарской России** в ядерного идеологического соперника Запада (The American Conservative. 06.10.2008).**

Журналисты отбирают среди фактов и явлений прошлого те, которые, по их мнению, служат некоей моделью, образцом фактов и событий грядущего, индуцируя негативные ас-

социации и логические связи. Видимо, поэтому частотными также являются параллели с 90-ми гг.: *Following his (Putin's) example, other siloviki took their money and themselves to nations which combined warm climates with the absence of extradition laws. The regime's second-string authoritarians — men very similar to the no-hopers who had attempted the 1991 Soviet coup — had no idea of how to cope with Russia's proliferating problem / Последовав примеру Путина, остальные силовики, собрав в кучку себя и собственные деньги, эмигрировали в страны с теплым климатом и отсутствием законов об экстрадиции. Управленцы второго эшелона — очень похожие на безнадег, предпринявших попытку государственного переворота в 1991 — понятия не имели о том, как справиться с растущими проблемами России* (The National Review/ 20.04.2007).

Исторические личности, с которыми британо-американские СМИ ассоциируют будущее России — И. Сталин, А. Гитлер, Иван Грозный, Петр I, Ю. Андропов, Б. Ельцин: *Russia has now had 50 years to recover from Stalinism but the consequences of the massive Stalinist effort to create reality by force set the stage for a downward spiral that threatens Russia's future. As Stalin's popularity grows, there is a possibility that he will join the pantheon of Russian national heroes that includes Peter the Great and, to a degree, Ivan the Terrible. If this happens, the evil that Stalin exemplified will be treated as a legitimate part of the Russian national tradition / У России было 50 лет, чтобы оправиться от сталинизма. Но последствия попытки Сталина с помощью силы создать нужную реальность подготовили почву для развития (страны) по нисходящей спирали, что угрожает будущему России. Поскольку популярность Сталина растет, существует вероятность того, что он присоединится к пантеону российских национальных героев, который включает Петра Великого и, в определенной степени, Ивана Грозного. Если это случится, зло, которое олицетворяет Сталин, будет рассматриваться как законная часть российской национальной традиции* (The National Review. 14.03.2003).

- Выбор видовременных форм глагола. Помимо использо-

вания группы будущих и ряда настоящих времен, типичных для описания будущего события в английском языке, в анализируемом корпусе текстов зафиксированы прогнозы, нацеленные на определение того, что произойдет с Россией в будущем, которые составлены с использованием группы прошедших видовременных форм английского языка: *Moscow's paralysis was due in part to the slow-motion collapse of the Putin regime* (Past Simple); *Former president Putin was still fighting to stay in Brazil* (Past Continuous); *Russia had gone from weakness to impotence* (Past Perfect); *Chinese workers had been migrating to the thinly populated Russian areas of Siberia and the southeast for the previous 30 years* (Past Perfect Continuous). Выбор прошедших времен для описания будущих событий выполняет прагматическую функцию, работая на создание образа предсказуемого, предрешенного «ужасного будущего», описывая его атрибуты в ультимативной форме.

- Немногочисленность употребления лексем со значением «роста, развития», работающих на создание образа «светлого» будущего: *Russia can still continue to grow, albeit at a slower rate, even if oil prices fall. The Russian economy is rich in natural resources and human capital. Foreign debt is low, reserves are high, and Russia can bridge whatever deficits arise by borrowing abroad at low rates* / **Россия все еще может продолжать развиваться, хотя и более медленными темпами, даже если цены на нефть упадут. Российская экономика богата природными ресурсами и человеческим капиталом. Внешний долг небольшой, резервы велики, и Россия может справиться с любым затруднением, с любым дефицитом за счет займов за рубежом по низким ставкам** (NY Times. 25.03.2004). Лекарство, способствующее возрождению России и ее переходу на путь к «светлому» будущему, связано с экономическим ростом и развитием: **The key to Russia's future security is in the rapid development of the country's economy and its integration into the trade and investment order of Europe, the United States and other open societies. As the Russian economy continues to grow, it will help provide Russia with the resources to finance the social and security needs of its people** / **Ключ к будущей безопасности**

России — быстрое развитие экономики страны и ее интеграция в торговый и инвестиционный рынок Европы, США и других открытых обществ. Если российская экономика продолжит расти, это поможет обеспечить Россию ресурсами для финансирования социальных потребностей в безопасности ее народа (NY Times. 26.12.2001).

Охарактеризуем подпараметр «**Народонаселение**» (180 контекстов). СМИ отмечают существенные демографические проблемы: продолжительность жизни ниже восполняемого уровня, неуклонная убыль населения, миграционное нашествие, представляющее одну из основных угроз для внутренней стабильности, национальной безопасности и территориальной целостности страны. Например: ***Russia is sliding into a demographic abyss, compromising its long-term economic, health, development and security prospects, according a recent report from the National Bureau of Asian Research (NBR) / Россия катится в демографическую пропасть, подвергая серьезной опасности свое будущее в сферах экономики, здравоохранения, эволюционного развития и безопасности — к такому выводу пришли в своем недавнем отчете специалисты из Национального бюро азиатских исследований США (The Washington Times. 29.11.2004).***

В британо-американском политическом дискурсе рассматриваемого хронологического среза для моделирования параметра «народонаселение» характерны следующие черты.

- Темпоральный схематизм. Будущее, как правило, маркировано определенными временными рамками: ***By 2020** Russia's population had fallen below 100 million and was still heading downwards... Chinese workers had been migrating to the thinly populated Russian areas of Siberia and the southeast for the previous 30 years "to do the work that Russians won't do." There may have been as few as ten million ethnic Russians between the Urals and the Pacific **by 2015**... **By 2020** much of the region was Russian in name only. Russia had gone from weakness to impotence / **К 2020** году население России снизилось до отметки менее 100 миллионов и продолжало снижаться.... В течение предшествующих 30 лет китайские рабочие мигрировали в*

малонаселенные области Сибири и на юго-восток, „чтобы сделать работу, которую русские делать не станут“. К 2015 году на территории между Уралом и Тихим океаном этнических русских могло насчитываться лишь десять миллионов... К 2020 году большая часть региона лишь номинально была российской. Слабая Россия стала бессильной (The National Review. 20.04.2007). Конкретные временные рамки, заданные авторами аналитических статей, акцентируют фатальность и неизбежность прогнозируемых процессов.

- Приведение статистических показателей, характеризующих состояние населения и его воспроизводство со ссылками как на зарубежные, так и на российские источники: **According to U.N. projections, Russia's population will plummet from 146 million in 2000 to 104 million in 2050. Russia will go from being the 6th-most-populous country in the world to being the 17th / Согласно прогнозам ООН, население России резко снизится с 146 миллионов в 2000 до 104 миллионов в 2050. Среди самых населенных стран Россия с шестого места спустится на семнадцатое** (The Spectator. 28.04.2005). **Russia is a poor country with a rapidly aging population and a bleak future. Russian experts project that over the next 15 years, Russia's working-age population could collapse by 14 percent to 25 percent / Россия — бедная страна с быстро стареющим населением и безрадостным будущим. По прогнозам российских экспертов, в течение следующих 15 лет доля работоспособного населения России может снизиться с 14 до 25 %** (The American Observer. 12.03.2008).

- Частые повторы и варьирование лексем со значением «уменьшения» населения: *to fall, to decline, to rapidly age, to collapse, to plummet, to rapidly decrease, decline, demographic abyss, demographic disaster, mourning Mother Russia* и др., — создающих стойкую картину автоматизированной приемлемости информации.

- Востребованность метафорических единиц с ярко выраженным отрицательным концептуальным вектором. Вновь среди самых продуктивных моделей выступает морбиальная метафора: *Most of us are grateful for the fall of communism, but*

the phrase **"epidemic of collapse"** is not a bad description of what Russian society is suffering through right now. **You can measure that collapse most broadly in the country's phenomenal population decline** / Большинство из нас благодарно падению коммунизма, но „эпидемия коллапса“ является достаточно точным описанием того, что происходит сейчас в российском обществе. **Наиболее сильно состояние коллапса иллюстрирует феноменальное снижение народонаселения страны** (The Spectator. 28.04.2005). *Russia, we are told, is on the march, seeking to reconstitute its lost empire. Never mind that the Russians first need to reconstitute their lost population — their birthrate is decreasing so rapidly that they'll soon be placed on the endangered species list* / Нам говорят, Россия — на полном ходу, она стремится воссоздать потерянную империю. Неважно, что русским сначала нужно воспроизвести свое потерянное население — коэффициент рождаемости уменьшается настолько быстро, что скоро русские будут занесены в список вымирающих видов (The American Conservative. 06.10.2008). Зооморфная метафорика, часто в соединении с метафорой болезни, также активно участвует в формировании картины пессимистического будущего страны: **Russia is the canary in the coal mine of below replacement fertility demography** / Россия — канарейка в угольной шахте, страна, где уровень рождаемости населения ниже уровня смертности (The American Spectator. 10.11.2009). Жизнь канарейки в угольной шахте коротка: в прошлом угольные шахты не были оснащены системами вентиляции, поэтому шахтеры при разработке новых угольных пластов обычно приносили канарейку в клетку. Канарейки чувствительны к метану и угарному газу, пока канарейка продолжала петь, шахтеры были уверены в собственной безопасности. Мертвая канарейка была сигналом к эвакуации.

- Цитирование, повышающее убедительность и вескость преподносимой информации. Авторы некоторых аналитических статей ссылаются на еще не созданные тексты: *As Oxford's Regius Professor of History, Pavel Stroilov, has written in his classic The Fall of the Russian Republic: "In Russia itself, the successful separation of the Far East pro-*

voked a chain reaction. Within a year, another half a dozen independent republics were proclaimed in Siberia. Russia's de facto Eastern border was now at the Ural Mountains. Once the siloviki fled Russia entirely, the task of defending its territorial integrity was inherited by colonels. In early 2023 they withdrew the most loyal forces from North Caucasus and stationed them along the Volga River. That left the small Muslim republics in Caucasus to their own fate." / Как написал Павел Строилов, профессор истории Оксфорда, в классическом произведении „Падение Российской Республики“: **„В самой России успешное отделение Дальнего Востока спровоцировало цепную реакцию. В течение года в Сибири были провозглашены несколько независимых республик. Фактически теперь восточная граница России проходила по Уральским горам. Когда все силовики уехали из России, защита территориальной целостности стала задачей военных. В начале 2023 года они вывели свои самые преданные силы с Северного Кавказа и разместили их на Волге, предоставив мелкие кавказские мусульманские республики их собственной судьбе“**. История многих цивилизаций учит: за депопуляцией страны рано или поздно следует ее территориальный распад [см. Фальцман 2005: 134]. СМИ предрекают появление новых многочисленных общественно-политических формаций на бывшей территории Российского государства: *Russia itself is not very different, with some two dozen democracies, kleptocracies, and outright tyrannies* / В России наблюдается похожая ситуация: **десятка два демократий, клептократий и откровенных тираний** (The National Review. 20.04.2007).

По мнению зарубежных журналистов, демографические тенденции современной России неблагоприятно влияют на позиционирование страны как динамично развивающейся, страны, у которой есть будущее.

Следующий компонент — «Вооруженные силы» (84 контекста). Сценарное представление будущего в рамках данного параметра связано с предыдущим — демографический кризис, переживаемый Россией, отражается на военном потенциале: *Russia's low birth rate means that its army proba-*

bly will be weak for years to come / Низкий уровень рождаемости в России говорит о том, что ее армия, вероятнее всего, будет слаба в течение долгих лет (The American Conservative. 27.08.2007). Отмечается нарастание технической отсталости в сфере вооруженных сил: **Arms industries can't grow like magic beanstalks. Even if Russia and China wanted to acquire arsenals to match ours, they'd have to buy them from us / Военная промышленность не растет как волшебные бобы. Даже если бы Россия и Китай хотели обзавестись запасами вооружений, соответствующими нашим, им пришлось бы купить их у нас** (The American Conservative. 26.01.2009).

Для моделирования параметра «вооруженные силы» в России будущего типичны следующие черты.

- Темпоральный схематизм. Во-первых, «настоящее» всегда привязано к определенному событию, которым чаще всего является Парад Победы на Красной площади; во-вторых, характерна «сжатая ретроспекция» — имперские амбиции России, унаследованные от советской и царской эпох: **Russia is telling Britain and the West that she is no longer the broken state she was 15 years ago. They see they have a window of opportunity while America and Britain are locked into wars in Iraq and Afghanistan. But I see this not really as a sign of strength, but of weakness. Russia sees herself surrounded by former enemies and is suffering from paranoia. Their armed forces, though Putin is spending money on them, are in a very sorry state / Россия говорит Великобритании и Западу, что она более не является ослабленным государством, которым была 15 лет назад. Она полагает, что пока Америка и Великобритания „заперты“ в войнах в Ираке и в Афганистане, ей предоставляется удобный момент. На мой взгляд, это скорее признак слабости, чем силы. Россия считает, что она окружена прежними врагами, и страдает от паранойи. Ее вооруженные силы, хотя Путин и тратит на них деньги, находятся в очень жалком состоянии** (London Evening Standard. 11.05.2007). **The parade is a signal to the world and to the Russian people that the armed forces matter again. Strategically, the display of newly-built weapon systems is intended to show that the Russian military is resurging with mod-**

ern arms. This is a hallmark of Putin's new Russia and a revival of the Soviet and czarist tradition of showing off the country's military prowess / Этом парад — сигнал миру и русским людям о том, что вооруженные силы вновь имеют значение. Стратегически демонстрация нового оружия нацелена на то, чтобы показать: российские вооруженные силы возрождаются и имеют современное оружие. Это символ новой путинской России, возрождение советской и царской традиции — выставлять напоказ свое военное искусство (The Heritage Foundation. 11.02.2008).

- Апелляции к прецедентным событиям: *Today's Russian armed forces are facing their deepest crisis since the fiascoes of the Russo-Japanese War and World War I. Both of these earlier defeats led to revolutions and the eventual collapse of the Romanov empire / Нынешние российские вооруженные силы в таком глубочайшем кризисе, какого не было со времен неудач в Русско-японской войне и в Первой мировой. Оба поражения привели к революциям и, в конечном итоге, — к развалу империи Романовых* (The Gardian. 12.12.2006). Отталкиваясь от настоящего положения дел и проводя аналогии с прошлым, СМИ прогнозируют будущее развитие событий — крах государства.

- Сравнения, помогающие представить предпринимаемые действия, политический курс своей страны в выгодном свете, одновременно сформировав негативное отношение обществу к оппоненту: *America spends several times as much as Russia on defense, possesses a superior nuclear force and vastly better conventional military, and enjoys a GDP a dozen times that of Russia. The Europeans have an even greater economic advantage and also outspend Moscow militarily. The Russian Humpty Dumpty has fallen off the wall and Moscow can't put it back together without spending money it doesn't have / Америка тратит в несколько раз больше, чем Россия, на оборону, обладает более совершенным ядерным оружием, ее традиционные вооруженные силы значительно лучше, а ВВП в десятки раз превосходит российский. Европейцы обладают еще большим экономическим преимуще-*

ством и превосходят Москву в военном отношении. Русский Шалтай-Болтай упал со стены, и Москва не сможет поднять его, не потратив денег, которых у нее нет (The American Spectator. 02.04.2009).

- Востребованность зооморфной метафоры, которая, с одной стороны, вызывает негативные ассоциации, с другой — несет в себе позитивный концептуальный заряд: **THE BEAR SHARPENS ITS TEETH. Moscow: The graying bear is getting a make-over. Russia's military is launching its biggest rearmament effort since Soviet times, including a \$650 billion program to procure 1,000 new helicopters, 600 combat planes, 100 warships, and 8 nuclear-powered ballistic missile submarines / МЕДВЕДЬ ТОЧИТ ЗУБЫ. Москва: Стареющий медведь готовится к перевоплощению. Россия начинает самое масштабное перевооружение армии с советских времен стоимостью 650 миллиардов долларов, на которые будет закуплено тысяча вертолетов, 600 боевых самолетов, 100 военных кораблей и 8 ядерных подлодок** (Christian Science Monitor. 28.02.2011).

Стержневым элементом военного планирования в будущем остается возможность использования стратегических ядерных сил. Но даже наличие ядерных вооружений не позволит России восстановить статус «Великой державы»: **The Russian army relied on Muslims for 50 percent of its conscripts... Russia's armed forces were showing in the Caucasus that they lacked equipment and morale. Almost the only weapon that the Kremlin had in this crisis was its nuclear armory. But how could it be used? High oil prices had been the more important of the two factors sustaining Russia's claim to be a great power. The other was its Soviet-era nuclear armoury / Российская армия на 50 % от общего числа призывников состояла из мусульман... Вооруженные силы России демонстрировали на Кавказе нехватку боевого духа и техники. Практически единственным оружием Кремля в этом кризисе был его ядерный арсенал. Но разве он мог им воспользоваться? Высокие цены на нефть оставались наиболее важным из двух факторов в претензиях России на роль Великой державы. Вторым фактором был ядерный арсенал, унаследованный ею от советской**

эпохи (The National Review. 20.04.2007).

Подпараметр «**Природные ресурсы**» (140 контекстов). Согласно СМИ, Россия зависит от добывающих отраслей промышленности, т. е. от цены на нефть, и является «центром силы» прежде всего за счет энергетического фактора: **Russia aims to become a major energy supplier and provider of raw materials to countries of the Asia-Pacific region, including China, Japan, South Korea, and the United States. Such a goal, if accomplished, will greatly enhance Russian leverage in the Pacific Rim / Россия стремится стать основным поставщиком энергии и сырья** в странах Азиатско-тихоокеанского региона, включая Китай, Японию, Южную Корею и Соединенные Штаты. **Если цель будет достигнута, это расширит зону влияния России в Тихоокеанском регионе** (The Heritage Foundation. 30.01.2009).

В политическом дискурсе британо-американских СМИ для моделирования параметра «Природные ресурсы» в рамках рассматриваемого хронологического среза характерны следующие черты.

- Употребление метафорических единиц с положительным концептуальным вектором:

- движение вверх, возрождение: *Fueled by energy revenues, **Russia's resurgence** in international affairs will continue / Заправившись доходами от продажи энергоресурсов, Россия вновь выплывет на поверхность международных отношений* (The American Conservative. 24.03.2008);

- восстановление, выздоровление: ***Russia's economic recovery** centers around high oil prices, rather than market-oriented reforms / Восстановление экономики России сосредоточено вокруг высоких цен на нефть, оно не ориентировано на рыночные реформы* (The American Spectator. 14.12.2006).

- метафора игры в виде «возвращение в игру», «готовность к игре»: ***Russia, awash in oil and gas revenues, is back in the game** in both Europe and Eurasia, **ready to flex its muscles** / Россия, наводненная доходами от продажи нефти и газа, вновь в игре как в Европе, так и в Евразии, она готова поиграть мускулами* (The American.

27.08.2007).

- Использование модальных глаголов со значением возможности, вероятности действия в настоящем и будущем: *Russia **might** regain its old position as a superpower on the basis of its oil and natural gas holdings alone. Russia **may** emerge as a superpower / Являясь собственницей нефти и природного газа, Россия **может** вернуть свой прежний статус супердержавы. **Может быть**, Россия появится в качестве супердержавы* (The American Spectator. 06.07.2007). *When it comes to energy, Russia **can** do what it wants, when it wants / Когда доходит дело до энергоресурсов, Россия **может** позволить себе делать что захочет и когда захочет* (The American. 01.03.2006). Однако всякие попытки преодолеть зависимость от внешнего воздействия, позиционировать себя в качестве энергетической державы встречают противодействие Запада. СМИ недвусмысленно намекают, что топливно-энергетические ресурсы страны исчерпаемы и невозобновимы. Акцентирует это положение следующая черта, характерная для рассматриваемого параметра.

- Употребление прошедших видовременных форм глагола при моделировании развития событий в будущем: *Moscow's revenue from oil prices **was falling** by a larger percentage every year. Neither private investors nor international agencies **were willing** to plug the gaps in the Kremlin's finances... Marginal fields **closed down** and exploration **was curtailed** / Доход Москвы от продажи нефти с каждым годом немного **уменьшался**. Ни частные, ни международные инвесторы **не желали** латать дыры в кремлевских финансах... Месторождения с ограниченными запасами нефти **были закрыты**. Работы по обнаружению новых месторождений **сокращены*** (The Sun. 23.04.2007).

Раскрывая основную тональность описания России и ее вероятного будущего американской и идеологически близкой к ней британской прессы, следует отметить, что в центре внимания оказываются внутривосточные проблемы — «внутренняя политика», как один из базовых параметров когнитивно-дискурсивной матрицы (2000—2011). Будущее представлено двумя вариантами развития событий (рис. 3). «Темное будущее»: Россия — малоэффективное, глубоко

коррупцированное и недемократическое государство с неуклонной убылью населения, отказавшееся от модернизации своей экономики, целенаправленно превращающее себя в «энергетическую супердержаву», которой ей не быть вечно. «Светлое будущее»: Россия — богатая энергоресурсами страна с выздоравливающей экономикой, способная возродить вооруженные силы и вновь стать сверхдержавой. Заданные в каждом конкретном тексте концептуальные рамки обуславливают способы интерпретации событий.

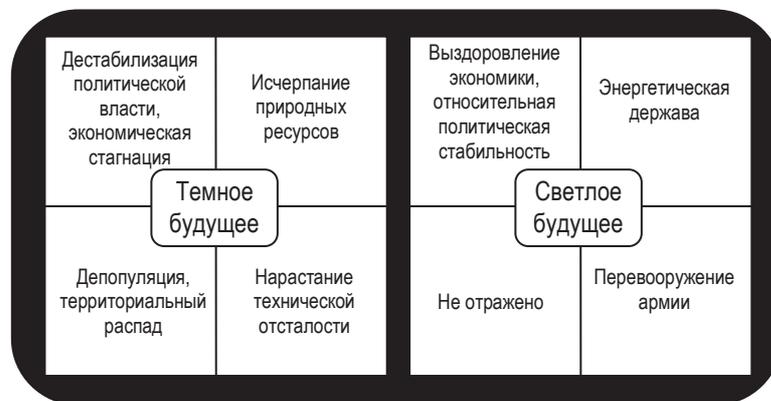

Рис.3.
Когнитивно-дискурсивная модель будущего
(параметр «Внутренняя политика»)

Проведенное исследование показало, что в политическом дискурсе британо-американских СМИ рассматриваемого хронологического среза доминирует образ «ужасного будущего» (95 % проанализированных концептов). Политическому дискурсу по природе свойственны апокалиптические настроения: будущее «представляется в преувеличивающем негативные последствия, предельно заостренном виде, а категорическая форма высказывания не допускает иного варианта развития событий» [Руженцева 2004: 137]. В представлении «ужасного будущего» звучат апокалиптические нотки конца пути, а вместе с ним — жизни общественно-политического строя и страны в целом, что связано с желанием уменьшить

степень влияния политического соперника, сформировать негативное отношение к событиям и явлениям социальной и политической жизни страны. Моделирование «светлого будущего» носит преимущественно окказиональный характер (65 контекстов, что составляет 5 % от корпуса проанализированных текстов).

Оценочная рамка модели будущего формируется богатым арсеналом языковых средств. Центром оценочной стороны образа будущего выступают средства, направленные на оценку будущих результатов действий, изменений в состоянии. В качестве способа аргументации своей оценки авторы используют построение прогноза, версии, демонстрирующей возможные последствия изменений, характер их возможного влияния на будущее положение дел. Все оценки группируются вокруг этого центра, «работают» на его семантику. Ядром оценочного аспекта является концептуальная метафора. Прагматический потенциал рассмотренных концептуальных метафор и соответствующих им сфер метафорического притяжения разнообразен по содержанию коннотативной нагрузки при моделировании будущего. Метафора фиксирует всю сложную гамму отношений членов социума к общественно-политической системе предполагаемого будущего: скептицизм, насмешку, ненависть, опасение и др. В рамках метафорических моделей, употребляющихся для моделирования образа будущего России, актуализируются различные содержательные аспекты, что в значительной степени зависит от идеологической позиции автора текста, его интенций и иных дискурсивных характеристик. В рассмотренных примерах «метафора отбирает, выделяет и организует одни, вполне определенные характеристики главного субъекта и устраняет другие» [Дэвидсон 1990: 188], образуя, таким образом, взгляд читателя на грядущий период развития общества. Используя метафоры для создания образа «ужасного будущего», политики апеллируют к чувству страха, ориентируют аудиторию на будущие беды России, что нацелено на дискредитацию политического оппонента. В рамках создания образа «темного» будущего особенно востребованы морбидные и зооморфные наименования. Реже будущее предстает перед читателями в светлом ключе. Как правило, ме-

тафоры, нацеленные на создание «светлого» будущего, стерты, «бесцветны», не рожают манящих образов прекрасного будущего. Здесь особенно активны пространственные метафоры и метафоры пути, предлагающие возможности для движения, развития и роста.

Помимо метафоры, к приемам выразительности, способствующим выдвигению на первый план прагматически значимой оценочной информации, в рамках созданной когнитивно-дискурсивной модели будущего относятся:

- темпоральный схематизм, включающий три составляющие: «сжатая ретроспекция» — Россия будущего представлена как система, настроенная на державность, ее имперские рецидивы связаны с прошлым (советская эпоха, царизм); «событийное настоящее»; будущее, как правило маркированное определенными временными рамками, которые акцентируют фатальность и неизбежность событий;
- высокая степень интертекстуальности модели;
- цитирование, повышающее убедительность и вескость преподносимой информации;
- частые повторы и варьирование определенных слов и сем, создающие стойкую картину автоматизированной приемлемости информации;
- сравнения и контраст, помогающий представить предпринимаемые действия, политический курс своей страны в выгодном свете, одновременно сформировав негативное отношение общественности к оппоненту;
- выбор видовременных форм глагола: прогноз, нацеленный на определение того, что произойдет с Россией в будущем, составлен с использованием не только будущих и настоящих, но и прошедших видовременных форм английского языка, выполняющих прагматическую функцию;
- сложноподчиненные предложения с придаточными условиями, причины и следствия, вопросительные предложения, вводные слова, выражающие итог, и экспрессивные синтаксические средства, являющиеся грамматическими способами выражения оценочной мыслительной деятельности журналиста, — рассуждения, объяснения или обоснования;
- модальность, а именно использование модальных глаго-

лов, модальных слов и косвенных наклонений как средств выражения гипотетичности.

Следует отметить, что будущее России на страницах британо-американской прессы определяется не только объективными характеристиками страны (реальные достоинства или недостатки и формальные показатели состояния и основных тенденций развития). На формирование модели будущего влияет специфика субъективного восприятия России зарубежной аудиторией, что в значительной мере детерминруется идейно-политическими установками этой аудитории, исторически сформировавшимися стереотипами мышления, инерцией культурно-политических предубеждений, штампами исторической памяти, что, в свою очередь, предопределяет выбор лингвистических средств при создании модели будущего развития страны. Моделирование на базе когнитивно-дискурсивной матрицы — новый способ структурирования представлений о закономерностях образа будущего, их интерпретация в рамках конкретной объяснительной структуры на основе диагностирования субъективного мира политики как пространства смыслов, задающих ориентиры политической деятельности, анализа динамики новых вызовов и признания влияния глобализации на формирование нового политического порядка в России.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М. : Эдиториал УРСС, 2001.

Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры : сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. — М. : Прогресс, 1990.

Малая российская энциклопедия прогностики / И. В. Бестужев-Лада (гл. ред.), А. И. Агеев и др. — М. : Институт экономической стратегий, 2007.

Мэтьюз Р. Новая матрица, или Логика стратегического преемства / Р. Мэтьюз, А. Агеев, З. Большаков. — М. : Олма-пресс ; Институт экономических стратегий, 2003.

Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в рос-

сийском политическом дискурсе / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2004.

Солопова О. А. Когнитивно-дискурсивное прогнозирование: разработка метамоделей // Политическая лингвистика. 2011. № 2. С. 171-175.

Фальцман В. Новые стратегии для будущего России // Экономические стратегии. 2005. Вып. 4. С. 132—136.

Paris R. Kosovo and the Metaphor of War // Political Science Quarterly. 2002. Vol. 117 (3). P. 424-451.